

Православное богослужение как школа богословия и богомыслия

Божественная Литургия

Некоторые мои инославные друзья жалуются на то, что православная Литургия слишком долгая: зачем, мол, так растягивать Евхаристию, если ее можно совершить за полчаса? Мой опыт скорее обратный: мне всегда не хватает двух часов Литургии, кажется, что время пронеслось слишком быстро, что отпуск наступил слишком скоро. И жалко бывает покидать алтарь, и трудно бывает спускаться с небес на землю, от возвышенных переживаний Литургии к "заботам века сего".

Рассказывают, что в конце XIX века в Петербурге жил священник, у которого была комнатка над алтарем храма: отслужив Литургию, он поднимался туда по подвесной лестнице, которую забирал с собою; лишь через два-три часа он вновь спускался в храм для общения с народом. Большинство из нас, священнослужителей XXI века, позволить себе такую роскошь не могут. И все же вполне понятны мотивы, двигавшие этим священником, который, вероятно, стремился продлить сладость предстояния Богу, продлить ту неземную тишину и покой, которые входят в душу при совершении Божественной Евхаристии.

Литургия есть "общее дело", и она, безусловно, требует присутствия и активного участия мирян. Православная практика не знает частных Литургий, которые бы священник совершал наедине с собой (как это весьма распространено в Католической Церкви). Вся структура Литургии предполагает наличие общины, которая, наравне со священником, является совершителем Литургии. Это община не "зрителей", но участников, чье участие в Литургии заключается прежде всего в причастии Святых Христовых Таин. Справедливо отмечалось многими (в том числе с особенной настойчивостью о. Александром Шмеманом), что чинопоследование Литургии верных вообще не предполагает наличия в храме молящихся, но не причащающихся, и что современная практика, при которой причащаются те, кто подготовились, тогда как прочие довольствуются пассивным присутствием в храме, не соответствует практике Древней Церкви.

Я полностью согласен с теми, кто считает, что практику Древней Церкви следует возродить и что мирянам надо позволять причащаться за каждой Литургией. При этом правила, касающиеся подготовки к причащению, должны быть одинаковыми для мирян и для духовенства. Когда для духовенства устанавливаются одни нормы, а для мирян другие, это мне представляется несправедливым и противоречащим смыслу Литургии, на которой все - и епископ, и священник, и мирянин - предстают перед Богом и предстоят Богу в равном достоинстве, или, лучше сказать, в равном недостоинстве. Ибо "никтоже достоин от связавшихся плотскими похотьми и сластями приходити или приблизитися" к причащению Святых Христовых Таин. Но еще преподобный Иоанн Кассиан Римлянин говорил:

Мы не должны устраниваться от причащения Господня из-за того, что сознаем себя грешными. Но еще более и более надобно поспешить к нему для уврачевания души и очищения духа, однако же с таким смирением духа и веры, чтобы, считая себя недостойными принятия такой благодати, мы желали более уврачевания наших ран. А иначе и однажды в год нельзя достойно принимать причащение, как некоторые делают... оценивая достоинство, освящение и благотворность Небесных Таин так, что думают, будто принимать их должны только святые и непорочные; а лучше бы думать, что эти таинства сообщением благодати делают нас чистыми и святыми. Они подлинно выказывают больше гордости, нежели смирения, как им кажется, потому что, когда принимают их, считают себя достойными принятия их. Гораздо правильнее было бы, если бы мы со смирением сердца, по которому веруем и исповедуем, что мы никогда не можем достойно прикасаться Святых Таин, в каждый воскресный день принимали их для врачевания наших недугов, нежели... верить, что мы после годичного срока бываем достойны принятия их.

Активное участие мирян в Литургии предполагает и возможность для них отвечать на возгласы священника и слышать слова так называемых "тайных" молитв, в частности, молитву анафоры. В современной церковной практике эти молитвы, как правило, читаются священником про себя, что во-первых создает дополнительную преграду между священником и паствой, а во-вторых - и это главное - окрадывает молящихся, так как основное содержание Литургии проходит мимо них. Мне приходилось слышать много аргументов в защиту практики тайного чтения молитв: говорят, в частности, что нельзя, чтобы эти молитвы слышали непосвященные, случайно зашедшие в церковь люди; ссылаются на "тайную дисциплину" (*disciplina arcana*), существовавшую в Древней Церкви. Все эти аргументы мне представляются неубедительными. Так называемые "тайные" молитвы изначально не были тайными: предстоятель читал их во всеуслышание. Думаю, и в наше время верующие должны иметь право слышать эти молитвы целиком, а не только их заключительные придаточные предложения, обозначающие, что молитва прочитана, но не дающие ни малейшего представления о ее содержании ("яко да под державою Твоею всегда храними", "победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще", "Твоя от Твоих Тебе приносяще" и пр.). По крайней мере, вслух следует читать молитву анафоры, в которой заключена вся суть Литургии.

Служение Литургии - творческий акт, в который вовлечена вся полнота Церкви. Текст Литургии всегда один и тот же, но каждая Литургия дает возможность пережить его по-новому, а следовательно и заново пережить встречу с живым Богом.

Многое при совершении Литургии зависит от священнослужителей. Очень часто Литургия бывает "украдена" у верующих из-за поспешного или небрежного совершения ее священником. Служение Литургии, вне зависимости от того, совершается ли оно архиереем в кафедральном соборе или священником в сельском храме, должно быть неспешным и величественным. Все слова Литургии должны произноситься с возможной тщательностью, внятно и отчетливо. Очень важно, чтобы священнослужитель молился вместе с общиной, а не произносил механически слова, давно утратившие для него новизну и свежесть. Недопустимо привыкание к Литургии, восприятие Литургии как чего-то будничного, обыденного, даже если она совершается ежедневно.

В служении Литургии недопустима театральность, актерство, искусственность.

Священнослужитель, кроме того, не должен открыто выражать свои эмоции, чувства, переживания, не должен своим служением привлекать внимание к себе, дабы основное внимание верующих было всегда обращено не на него, а на истинного совершителя Литургии - Христа. Сказанное относится и к диаконам, которые в некоторых случаях превращают богослужение в театр, используя все богатство своих голосовых и актерских данных для того, чтобы произвести большее впечатление на публику. Роль диакона в Литургии чрезвычайно важна: он призывает общину к молитве и призван создавать молитвенное настроение, а не разрушать его.

Укажу на одну особенность православной Литургии: в ходе ее совершения устанавливаются трогательные, теплые и доверительные отношения между предстоятелем (будь то епископ или священник) и диаконом. "Помолися о мне, владыко святыи", "Помяни мя, владыко святыи" - с этими словами диакон неоднократно обращается к предстоятелю в ходе Литургии. "Да исправит Господь стопы твоя", "Да помянет тя Господь во Царствии Своем", - отвечает ему предстоятель. Принимая от предстоятеля благословение или подавая ему тот или иной священный предмет, диакон всегда целует ему руку; начиная или заканчивая священнодействие, кланяется ему. Все эти действия - не просто остатки древнего "церковного протокола". Они имеют иконный характер, символизируя те отношения абсолютного доверия и любви, которые существуют между людьми в Царстве Небесном и которые должны существовать между теми, кто живет в Боге. Кроме того, эти действия подчеркивают иерархический характер Церкви, в которой, по учению Ареопагита, божественные "исхождения" и "светолития" переходят от высших к низшим: от ангелов к человекам, от священников к диаконам, от клириков к мирянам. Наконец, почтение, оказываемое во время богослужения предстоятелю как совершителю Евхаристии, как бы замещающему Самого Христа, сродни тому, которое оказывается священным изображениям: честь, воздаваемая образу-священнослужителю, восходит к Первообразу-Христу.

Чинопоследование Литургии не усваивает определенных функций сослужащему духовенству: основными действующими лицами всегда являются предстоятель, диакон и община (которую в наше время обычно "озвучивает" хор). Этим отчасти объясняется естественное желание каждого священнослужителя самому совершать Божественную Литургию. Но не только этим. Жажда самостоятельного служения Литургии объясняется тем, что в ходе ее совершения особые,

доверительные отношения устанавливаются между предстоятелем и Самим Богом. Суть этих отношений описать очень трудно, так как они имеют таинственный, мистический характер. Но, думаю, многие священнослужители согласятся с тем, о чем пишет архимандрит Киприан (Керн):

Священство состоит именно в этом служении самим иереем, в самостоятельном совершении Божественной Евхаристии, а не в сослужении другим... У священника должна быть эта ненасытная жажда совершения Евхаристии, которая, конечно, нисколько не умаляет его жажды быть причащенным от руки иного (почему именно старшего и сановного?) собрата. Но мистическое чувство, непонятное мирянам, самому приносить Жертву и самому претворять силой Св. Духа евхаристические дары в Тело и Кровь, совсем отлично от чувства и переживания причащения за литургией, совершаемой другим. Можно измерять силу евхаристичности данного священника именно по этому его жажданию служить самому.

Архимандрит Киприан считал Божественную Литургию "самым мощным средством пастырского служения". Он подчеркивал, что "ни молебны, ни панихиды, ни акафисты (к которым, кстати сказать, относились очень неодобрительно и митрополит Антоний [Храповицкий], и приснопамятный митрополит Московский Филарет), не могут заменить собою святейшую службу Евхаристии". Если уж молебны и панихиды необходимы, их следует совершать до, а не после Литургии. Впрочем, мне думается, что сама Литургия, будучи службой универсальной и всеобъемлющей, вмещает в себя все то, ради чего служатся молебны и панихиды, в том числе поминовение живых и усопших.

Если православное богослужение в целом можно назвать школой богословия и богомыслия, то Божественная Литургия является таковой по преимуществу. Она научает тайнам Царства небесного, потому что сама является иконой этого Царства, наиболее полным отображением небесной реальности в земных условиях, явлением трансцендентного через имманентное. В Царствии Божиим отпадут символы, останутся только реальности. Там мы не будем причащаться Тела и Крови Христовых под видом хлеба и вина, но будем "истее" причащаться Самого Христа - Источника жизни и бессмертия. Но, хотя изменится вид, образ, форма нашего приобщения к Богу, не изменится его сущность: это всегда будет личная встреча человека с Богом, причем человека не изолированного от других, но находящегося в общении с другими. В этом смысле справедливо говорится о том, что Литургия, совершаемая на земле, - лишь часть той непрестанной Литургии, которая совершается людьми и ангелами в Царстве Небесном.

Далее...

ВСЯ БИБЛИЯ | ПОИСК | ГЛАВНАЯ СТРАНИЦА | ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Межконфессиональное информационно-аналитическое Обозрение "Orthodoxia"

Powered by "Interpressfact". © "Interpressfact" 2003

